

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОСЧЕТ УМЕРЕННЫХ СОЦИАЛИСТОВ (СИБИРСКИЕ ЭСЕРЫ И БОЛЬШЕВИКИ В КОНЦЕ 1919 – НАЧАЛЕ 1920 ГОДОВ)

БЕРСНЕВА И.В.

*Московский государственный
технический университет
им. Н.Э. Баумана*

В статье анализируется тактика сибирских эсеров в условиях кризисного состояния фронта и тыла Колчака осенью – зимой 1919 года. В результате серии военных переворотов и Иркутского восстания декабря 1919 – января 1920 г. к власти в Восточной Сибири пришел межпартийный блок эсеров и меньшевиков – «Политический центр», намеревавшийся образовать демократическое буферное государство на восточной окраине страны. Однако стратегические просчеты умеренных социалистов предрешили их скорое политическое поражение.

Ключевые слова: Гражданская война, Колчак, сибирские эсеры, Политический центр, большевики, Восточно-Сибирский буфер.

Среди оппозиционных политических партий на территории, подвластной Колчаку, наибольшую активность проявляла ПСР, традиционно влиятельная в Сибири. Эсеры действовали как легально (через земства, городские думы, кооперацию, общественные организации), так и подпольно. Они составляли левое крыло сибирских областников, пользовались влиянием в органах местного самоуправления, тесно контактировали с союзами трудового крестьянства, осуществляли работу в армии через «Военно-социалистический союз защиты народовластия».

Вместе с тем сибирские эсеры не отличались единством взглядов по вопросам тактики. Всесибирский крайком (Сибкрайком) следовал официальной линии ЦК ПСР, выработанной IX Советом партии в июне 1919 г. Сибкрайком занимал сдержанную позицию «третьей силы», равно чуждой большевизму и военной диктатуре Колчака. В то же время противниками борьбы на два фронта выступали радикально настроенный «Сибирский союз социалистов-революционеров» (эсеры-«активисты») и образовавшаяся в начале октября 1919 г. в Иркутске «Автономная сибирская группа социалистов-революционеров». «Автономисты» и «активисты» делали ставку на взаимодействие с сибирскими большевиками, незамедлительную борьбу с Колчаком и заключение мира с Советской Россией.

Еще летом 1919 г. Сибкрайком был озабочен усилением тенденций «к соглашению с большевиками» и опасался неподготовленного военного переворота¹. Однако к осени 1919 г. ситуация изменилась. Захлестывавшая социалистическую интеллигенцию волна ненависти к большевикам, узурпировавшим демократические завоевания Февральской революции 1917 г., почти стихла. В глазах эсеров Верховный правитель России был символом реакции. Под воздействием катастрофического состояния фронта Колчака, быстро левеющих политических симпатий населения и радикализации настроений среди сибирских эсеров («активистов» и «автономистов») Сибкрайком в октябре 1919 г. перестал придерживаться умеренно-выжидательной тактики, отдав предпочтение предложенному «Сибирским союзом с.-р.» варианту быстрого разрешения политической проблемы путем военного переворота с опорой на сомнительных «союзников» – большевиков. По мнению эсеров, настойчивое стремление Верховного правителя вести войну с большевизмом до победного конца, являлось главной преградой на пути к достижению гражданского мира и демократическим преобразованиям в стране. Все противники военной диктатуры Колчака левого толка, включая большевиков, были причислены к лагерю революционной демократии. Декларация,

¹ РГАСПИ. Ф.274. Оп.1. Д.23. Л.5.

выработанная на пленуме Сибкрайкома в ноябре 1919 г., возвещала о прекращении вооруженной борьбы с большевиками².

Умеренные социалисты стали осознавать, что гражданская война в России была вызвана не только нетерпимостью большевиков, но и, помимо всего прочего, партийными амбициями самой революционной демократии. Кроме того, эсеров настораживала и пугала наступательная внешняя политика Японии в Восточно-Сибирском регионе и вероятность сближения с ней омского правительства.

Чувство патриотизма не только обостряло ненависть к антинациональному, по мнению социалистов, режиму Колчака, но и заставляло на время забыть об идеологических разногласиях с коммунистами. Сибирская интеллигенция полагала, что за время страшных испытаний гражданской войны большевизм, несмотря на отстаиваемый им лозунг «диктатуры пролетариата», демократизировался³. При оторванности от Советской России и недостатке поступающей оттуда информации сибирским эсерам было трудно строить прогнозы относительно характера будущих взаимоотношений с Советской властью. Им казалось, что под воздействием событий гражданской войны большевизм, первоначально выражавший стихийную тягу «охлократии» к разрушению, трансформировался в государственно-созидательном направлении. Хотя у сибирских эсеров имелись опасения относительно авторитарного характера большевизма, они все же надеялись, что в условиях правовых преобразований «перегибы» Советской власти преодолимы. На отношении умеренных социалистов к коммунистам, помимо всего прочего, сказывалась и память об общем дореволюционном прошлом – годах совместной каторги и ссылки.

В период падения Омска (ноябрь 1919) Сибкрайком, пожертвовав принципом «борьбы на два фронта», начал переговоры с Бюро сибирских организаций меньшевиков, Земским политическим бюро, ЦИКом объединений трудового крестьянства Сибири, ЦИКом профсоюзов Сибири и с сибирскими большевиками по поводу создания однородно-социалистического антиправительственного блока⁴. Меньшевики сочувственно отнеслись к подобной инициативе. В отличие от эсеров они с самого начала гражданской войны проявляли большую лояльность по отношению к Советской власти, предпочитая не вооруженную борьбу с ней, а тактику морального и политического воздействия на большевиков. При создании межпартийного органа эсеров и меньшевиков, руководившего их совместной борьбой против режима Верховного правителя, определяющим был принцип «гражданского мира внутри демократии»⁵.

Поэтому, несмотря на сохранение противоречий с коммунистами по вопросам о форме власти и характере экономических преобразований в стране, умеренные социалисты надеялись привлечь сибирских большевиков к участию в повстанческой организации. Ориентируясь на координацию действий с большевиками, сибирские социалисты, по воспоминаниям члена Сибирского комитета РКП(б) И.В. Сурнова, рассуждали: «Труден первый шаг – сбросить колчаковщину, а там уж легче будет договориться о форме власти»⁶. Однако именно эта проблема оказалась непреодолимой во взаимоотношениях умеренных социалистов и коммунистов.

Для сибирских большевиков требование установления диктатуры пролетариата было столь же принципиальным, как и для их однопартийцев в Центральной Советской России. В условиях быстрого продвижения Красной армии на восток местные большевики не собирались уступать в данном вопросе. По предложению Сибкрайкома коммунисты согласились обсудить с умеренными социалистами возможность образования межпартийного оппозиционного блока. При этом коммунисты преследовали собственные цели:

² Там же. Д.8. Л.21.

³ См., напр.: Народная мысль. 1920. 14 января; Последние дни колчаковщины. Сб. док. М.-Л., 1926. С.182.

⁴ РГАСПИ. Ф.17. Оп.65. Д.328. Л.7; Там же. Ф.275. Оп.1. Д.103. Л.2.

⁵ Известия (Всесибирского краевого комитета ПСР). 1920. 17 марта.

⁶ Сурнов И.В. Последний этап борьбы с колчаковщиной // Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии (Воспоминания активных участников Великой Октябрьской социалистической революции). Иркутск, 1957. С.418.

их интересовала поступающая к эсерам от управляющего Иркутской губернией П.Д. Яковлева информация об отношении чехословаков к предполагаемому военному перевороту⁷.

Начиная с середины ноября 1919 г. умеренные социалисты стали осуществлять непосредственную подготовку к военному перевороту. 12-го ноября 1919 г. по инициативе земской управы состоялось охраняемое чехословацкими солдатами Всесибирское совещание земств и городов, о котором был проинформирован генерал М. Жанен. Представители умеренных социалистических партий (Всесибирского комитета ПСР, Бюро сибирских организаций меньшевиков), Земского политического бюро, ЦК объединений трудового крестьянства Сибири совместно с ЦИК профсоюзов Сибири и коммунистами обсудили вопрос о создании коалиционного антиправительственного органа. В основе переговоров об объединении лежали предложения Всесибирского крайкома, поддержанные всеми участниками встречи, за исключением делегатов от коммунистов и ЦИК профсоюзов, не желавшими поступать на принцип установления Советской власти в Сибири. Тем не менее сначала они не отказывались войти в формировавшийся межпартийный однородно-социалистический блок (Политический центр)⁸.

В то время как революционная демократия фактически приступила к подготовке переворота, влиятельные лица из окружения Верховного правителя пытались предотвратить крушение власти путем запоздалой реорганизации управления. Но конвульсии фронта болезненно сказывались на расстроенном организме правящего в Сибири режима, парализуя его демократические начинания. Умеренные социалисты, разочарованные в политике торгово-промышленных кругов, категорически отвергали сотрудничество с «цензовыми элементами». Десятого декабря 1919 г. появилась программная «Декларация» Политцентра, выработанная в соответствии с оценкой, данной революционной демократией переживаемому моменту «эпохи перехода к социализму»⁹. «Декларация» возвещала, что главной целью Политцентра является формирование суверенной демократической власти местного значения.

В декабре 1919 г. началась серия военных выступлений против омского правительства в опорных пунктах вдоль стратегически важной для фронта и тыла Транссибирской магистрали. Тылу отступающей на восток армии Колчака угрожал Минусинский партизанский фронт А.Д. Кравченко – П.Е. Щетинкина, где существовала влиятельная левозерновская группа¹⁰. 21-го декабря 1919 г. Политцентр начал переворот в ближайшем к Иркутску угольном центре – Черемхово. 24-го декабря в руках повстанцев оказалось Глазковское предместье Иркутска. На следующий день Иркутск был почти полностью блокирован войсками Народной революционной армии Восточной Сибири. 27-го декабря произошло выступление в самом Иркутске. Только 28-го декабря к восставшим наконец присоединились большевики, занимавшие длительное время выжидательную позицию. Политцентр, как и Сибкрайком, еще до начала своего выступления неоднократно предлагал сибирским коммунистам принять участие в подготовке переворота. Большевики же, не входившие формально в Политцентр, лишь обещали обеспечить ему «контакт» в деле

⁷ Ширямов А.А. Борьба с колчаковщиной // Последние дни ... С.22; Москалев П.Ф. Иркутская подпольная организация в период колчаковщины // Годы огневые, годы боевые. Иркутск, 1961. С.80; Сурнов И.В. Указ. соч. С.413.

⁸ ГАРФ. Ф.341. Оп.1. Д.66. Л.3.

⁹ РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.103. Л.206.

¹⁰ Ларьков Н.С. Из истории идейно-политической борьбы в антиколчаковском партизанском движении в Сибири // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на дальнем Востоке 1917 – 1922 гг. Новосибирск, 1985. С.140; Стишов М.И. Большевицкое подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918-1920 гг.). М., 1962 С.264; Гусев К. В. История «демократической контрреволюции» в России. М., 1973. С.42.

реальной борьбы с реакцией». Но, как сообщал в ЦК РСДРП И.И. Ахматов, «...контакта фактически не было до развязывания силами Политцентра вооруженной борьбы с реакцией»⁴¹.

Местные большевики действовали довольно осторожно, поскольку в Иркутске находились военные и дипломатические миссии, представительство чехословацкого Национального совета. Кроме того, коммунисты опасались, что чехословацкие части, американский батальон, а также батальон японцев в случае выступления под лозунгом «Советской власти» могут поддержать правительственные войска. Поэтому на совместном совещании Сибирского и губернского комитетов РКП(б) было решено, по словам И.В. Сурнова, «принять активное участие в боях, забирая постепенно руководство восстанием в свои руки»⁴². Тактика коммунистов, по свидетельству П. Ф. Москалева, определялись тем, чтобы, не допуская столкновений с чехословаками, не дать умеренным социалистам возможности осуществить намеченную ими программу народовласти⁴³. Коммунисты направили в Политцентр своего представителя с правом совещательного голоса, чтобы контролировать деятельность межпартийного блока. Комитет создал Штаб рабоче-крестьянских дружин в Глазково, служивший полуправильным прикрытием большевиков, и приступил к осуществлению намеченных задач: захвату оружия и боеприпасов, ликвидации Политцентра и организации власти Советов⁴⁴. Формально Штаб дружин подчинялся общему командованию военного штаба Народно-революционной армии, руководившему боями, но фактически он в дни восстания был занят исключительно формированием новых частей и установлением связи с партизанскими отрядами, которым дали указание стягиваться к городу. Кроме того, большевики командировали П.Ф. Москалева на станцию «Батарейная» для перехвата у Политцентра оружия. Имея к началу переворота слабые связи с деревней и армией, коммунисты во время восстания старались прежде всего вооружиться. Таким образом, с первых же дней присоединения к выступлению Политцентра большевики довольно активно приступили к осуществлению выработанной ими тактики. Денежные средства (около 1 млн. руб.) на участие в иркутских событиях коммунистам удалось добыть путем «контрибуций», или «займа», от кооперативных организаций⁴⁵. В ходе восстания к большевикам примкнули «автономисты», занимавшие отдельные командные должности в армии и штабе Политцентра.

5-го января 1919 г. власть в Иркутске перешла к умеренным социалистам. Но за кратковременный период (5-21 января 1920 г.) Политцентр так и не сумел овладеть развитием политической ситуации в Восточной Сибири. В немалой степени этому способствовало то, что в вооруженный конфликт оппозиции с правительством втянулись наиболее радикально настроенные слои населения, которых умеренная программа народовласти, предложенная межпартийным блоком, не удовлетворяла.

Сразу же после переворота Политцентр предложил коммунистам войти в состав однородно-социалистического правительства, но они отказались. Тем не менее представитель Комитета партии присутствовал с «информационной целью» на всех заседаниях Политцентра, что крайне нервировало членов блока⁴⁶. В то время как умеренные социалисты публично не разглашали свои разногласия с местными коммунистами, те развернули кампанию за скорейший созыв Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и агитировали в прессе и на собраниях против Политцентра.

Однако главным аргументом в пользу смены власти в Иркутске стала военная сила, а не политические лозунги или поддержка населения. За время боев в Иркутске большевикам удалось накопить оружие и создать рабочие дружины. Подошедшие к городу по распоряжению коммунистов партизанские отряды Северо-Восточного

⁴¹ РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.103. Л.2.

⁴² Сурнов И.В. Указ. соч. С.429.

⁴³ Москалев П.Ф. Указ. соч. С.82.

⁴⁴ Флюков А.Я. Иркутское восстание в декабре 1919 г. // Годы огневые... С.184.

⁴⁵ Ширямов А.А. Борьба... С.27; Сурнов И.В. Указ. соч. С.414.

⁴⁶ Ширямов А.А. Иркутское восстание и расстрел Колчака // Борьба за Урал и Сибирь. М.-Л., 1926. С.291.

фронта (под командованием Д.Е. Зверева) не подчинялись штабу Народно-революционной армии. Деморализованный под воздействием восстания иркутский гарнизон не мог служить серьезной опорой органов народовластия. В Народно-революционной армии сложилось своеобразное двоевластие в лице Главного штаба и Центрального штаба рабоче-крестьянских дружин. Коммунисты были в курсе всех распоряжений штаба Политцентра, поскольку к ним во время Иркутского восстания примкнули левые эсеры, занимавшие серьезные посты в Народно-революционной армии. Негативные для Политцентра последствия имело и то, что для проведения боевых операций против атамана Семенова на некоторые высшие командные должности были назначены коммунисты.

Среди иркутских большевиков к концу января возобладавало леворадикальное настроение. Несмотря на сложную внешнеполитическую ситуацию, они решили как можно скорее установить советскую власть в регионе. Впоследствии местные коммунисты объясняли свою активность тем, что в 15-го января 1920 г. были получены сведения о приближении к Иркутску группы генерала Каппеля, представлявшей реальную угрозу городу с его полуразложившимся гарнизоном⁴⁷. Некоторые большевики опасались, что Политцентр через чехословаков может вступить в переговоры с каппелевской группой.

Однако основной причиной, побудившей большевиков к решительным действиям, стало известие о принципиальном согласии Сибревкома и Реввоенсовета 5-й армии на образование Восточно-Сибирского государства-буфера с центром в Иркутске. Местным коммунистам удалось перехватить телеграмму мирной делегации блока с сообщением о достигнутых в ходе Томской встречи (19.01.1920) договоренностях.

Иркутск имел важное стратегическое значение, поскольку открывал ворота на Дальний Восток. Единственным удобным путем на восток была железная дорога с туннелями вдоль гористого берега озера Байкал. Рядом с магистралью проходил Сибирский тракт. В январе 1920 г. в Иркутске под арестом содержался адмирал Колчак и находился золотой запас России, который чехи намеревались передать Политцентру. Упускать такую «добычу», по выражению председателя местного ВРК А.А. Ширямова⁴⁸, местные большевики не собирались.

Опасаясь находившихся в городе чехов и японцев, коммунисты не рискнули открыто захватить власть. Они потребовали от Политцентра официально передать полномочия иркутскому ВРК, состоявшему из четырех коммунистов и левого эсера. Политцентр, стремившийся как можно скорее прекратить гражданскую войну, решил уступить⁴⁹. Умеренные социалисты не стали допускать перерастания политической конфронтации с сибирскими коммунистами в вооруженный конфликт, так как это могло ослабить Народно-революционную армию, воевавшую против отрядов атамана Семенова. Политцентр опасался внешней угрозы целостности России со стороны ставленника Японии Семенова гораздо больше, чем большевизации Сибири. Поэтому Политцентр, не дождавшись телеграммы В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого с согласием на образование буфера в Восточной Сибири, 21 января 1920 г. передал власть иркутскому ВРК. Однако накануне Политцентр потребовал от коммунистов гарантий созыва Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Итак, стремление во что бы то ни стало сохранить мир внутри революционной демократии, а также надежда на демократизацию большевизма за время гражданской войны привели сибирских эсеров к отказу от тактики «борьбы на два фронта» – против реакции «слева» и «справа». Намерение Политцентра объединиться с местными коммунистами ограничило самостоятельность «третьей силы» и в конечном итоге предрешило политическое поражение умеренных социалистов.

⁴⁷ Он же. Борьба с колчаковщиной // Последние дни колчаковщины. Сб. док. М.- Л., 1926. С.34; Парфенов П.С. Борьба за Дальний Восток. 1920–1922. М., 1928; РГАСПИ. Ф.17. Оп.65. Д.328. Л.8.

⁴⁸ Ширямов А.А. Иркутское восстание ... С.294.

⁴⁹ ГАРФ. Ф.341. Оп.1. Д.3б. Л.32.

**THE POLITICAL MISCALCULATION OF THE MODERATE SOCIALISTS
(SIBERIAN SOCIALIST-REVOLUTIONARIES AND BOLSHEVIKS AT THE END
OF 1919 –THE BEGINNING OF 1920)**

I.V.BERSNEVA

*Bauman Moscow State
Technical University*

The article deals with the tactics of Siberian Socialist-revolutionaries during the crucial moment of Kolchak's government (the autumn - winter of 1919). As a result of a series of military coups and Irkutsk revolt of December 1919 - January, 1920 the power in East Siberia was captured by the interparty block of the Socialist-revolutionaries and the Mensheviks – (the « Political centre »), who intended to form the democratic «buffer state» on the east outskirts of the country. However the strategic miscalculations of the moderate Socialists have predetermined their fast political defeat.

Key words: Civil War, Kolchak, Siberian Socialist-revolutionaries, Political centre, bolsheviks, East-Siberian «buffer state».